

А.В. Тарасова

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ

aleks.tarasova@gmail.com

ОДОМАШНИВАНИЕ ВАМПИРА В ЭПОХУ ЧОСОН: ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ ТЕЛЕСЕРИАЛ «УЧЕНЫЙ, ГУЛЯЮЩИЙ НОЧЬЮ» КАК ПРИМЕР ГЛОКАЛИЗАЦИИ

Образ вампира не имеет прямых аналогов в корейской мифологии, однако он сумел завоевать себе место в современной популярной культуре Республики Корея. Особый интерес представляют произведения, в которых вампир существует бок о бок с существами из национальных легенд или историческими лицами, в которых персонаж иностранного происхождения тем или иным образом укореняется в корейской истории и культуре. В телесериале «Ученый, гуляющий ночью» (2015) история противостояния «вампира с человеческим сердцем» и вампира-хищника оказывается включенной в давно сложившийся тип исторического сериала – сагика, повествующего о национальном прошлом и формировании национальных традиций. Действие разворачивается в эпоху Чосон, во второй половине XVIII века; у некоторых действующих лиц есть исторические прототипы. Сериал представляет вампиризм как чуждое Корею явление, подчеркивается также связь вампиризма с западным влиянием. Статья посвящена конструированию телевизионного образа «своего» вампира.

Ключевые слова: популярная культура, Республика Корея, телесериал, вампир, традиция, глокализация

The vampire has no direct counterpart in Korean mythology, but has nonetheless succeeded in finding a place in the popular culture of the Republic of Korea. Of particular interest are the works in which we meet the vampire alongside creatures from national legends or historical figures, where this character of foreign origin has somehow taken root in Korean history and culture. In the TV series “The Scholar Who Walks the Night” (2015) the story of the confrontation between the “vampire with the human heart” and the vampire-predator turns out to be mixed with *sageuk*, a long-established type of historical series that narrates the country’s past and the origins of its national traditions. The plot is set in the Joseon era, in the second half of the 18th century; some of the characters have historical prototypes. The TV series represent vampirism as a phenomenon alien to Korea, and emphasize the connection between vampirism and Western influence. This article explores the construction of the TV image of an “indigenous” vampire..

Keywords: popular culture, Republic of Korea, TV series, vampire, tradition, glocalisation

Фигура европейского литературного вампира с самого начала отличалась двойственностью в системе координат «свой»-«чужой». В прошлом живой человек, то есть «свой», вампир пугал самим фактом превращения в кровожадное чудовище – ярко выраженного «чужого». Порождение западной литературной традиции, он в большинстве случаев был представлен «...как экзотически-жуткий феномен таинственной, «варварской», чужой культуры восточноевропейских земель, которой противопоставляют «просвещенный» взгляд извне, из цивилизованной, свободной от средневековых суеверий части Европы» [Антонов, 2007, с. 21]. Первая из этих оппозиций в полной мере сохранилась до сих пор (хотя делались и попытки объявить вампиров не «нежитью», а еще одной разновидностью вполне живых разумных существ), вторая же к сегодняшнему дню утратила свою остроту. С одной стороны, причиной тому привыкание к образу вампира, который, к тому же, давно уже не выступает как безусловный враг людей, но многократно являлся в качестве и защитника, и романтического героя. С другой – произведения в жанре фэнтези, особенно так называемого «городского», обнаружили способность с такой легкостью включать в повествования мифологических и сказочных персонажей из самых отдаленных уголков света, что вампиры на этом фоне бесповоротно утратили право на экзотичность. Напротив, можно даже привести в качестве

A.V. Tarasova *Domestication of the Vampire in the Joseon Era: The South Korean TV series "The Scholar Who Walks the Night" as an example of glocalisation*

примера два телесериала 2000-х годов – более известного «Ангела» и имевшие более скромную аудиторию «Узы крови» – в каждом из которых главный герой-вампир, занимающийся расследованием таинственных происшествий, был для зрителя вполне понятен и «человечен». А вот те существа, на которых герою и его соратникам предстояло найти управу, были, как правило, чужими и загадочными: неясно было, что они собой представляют, откуда взялись, насколько опасны.

Но для интерпретации вампира как «своего» требовалась его глубокая укоренённость в европейскую культуру. Более сложной представляется ситуация, когда сложившийся на Западе образ вампира переносится в относительно новый для него антураж, когда требуется сделать его органичной частью повествования, опирающегося на иные традиции. Изучение примера такого внедрения вампира в заведомо чуждый ему контекст дало бы нам возможность рассмотреть сам механизм присвоения и привыкания, своего рода «одомашнивания» этого иностранца. А это, в свою очередь, могло бы в более отчетливом виде показать, как в принципе работают механизмы такого рода – безотносительно части света.

Благодаря графу Дракуле вампир ассоциируется в первую очередь с Восточной Европой. Но в романе Брэма Стокера от имени одного из центральных персонажей, Ван Хельсинга, декларировалось, что вампиры известны повсюду, в том числе и в Китае. Современный исследователь указывает, что незадолго до выхода романа Стокера китаист из Лейденского университета Ян де Гроот опубликовал получивший большую известность пятитомный труд «Религиозная система Китая», и Стокер, очень дотошно готовившийся к работе, скорее всего, был одним из его читателей. Благодаря де Грооту он мог знать о китайских *цзяньши* (в другой транскрипции – *чианши*), местной разновидности оживших мертвецов, нападающих на людей [Burns, 2017]. Но при некотором сходстве полным аналогом европейского вампира, ни фольклорного, ни литературного, цзяньши не были – они даже не питались кровью. И в соседствующей с Китаем Корее фольклорная традиция такого аналога не знала.

Однако это не помешало вампирам обосноваться в корейской популярной культуре XXI века, в частности – они не раз становились персонажами телесериалов, знаменитых корейских «дорам» или кей-драм. На первый взгляд, впрочем, кажется, что ничего особенно оригинального мы не видим – взаимодействие вампиров и людей разворачивается в сугубо современной обстановке, в большом городе, в обстоятельствах, которые с той же степенью вероятности могли бы стать частью сюжета европейского или американского сериала. «Вампир-детектив» и выдержавший два сезона¹ «Вампир-прокурор» движутся в направлении, указанном канадским детективно-фантастическим сериалом начала 90-х годов XX века «Рыцарь навсегда» (к нему же относятся и уже упомянутые «Ангел» и «Узы крови»). «Айдол-вампир» – это комедия, иронизирующая над представителями поп-музыки. «Кровь» – романтическая история, разворачивающаяся в современной больнице.

В сериале же «Ученый, гуляющий ночью»² мы видим иную картину: действие в нем относится ко второй половине XVIII века, к длинному периоду, который именуется эпохой Чосон (кон. XIV – кон. XIX веков)³, а вампиры сразу же представлены как нечто абсолютно чужое и практически неизвестное большинству жителей страны. Снят сериал по мотивам популярного комикса-манхвы, которую ее авторы Хан Сын-хи и Чо Чжу-хи начали выпускать в 2012 году. Центральный персонаж и манхвы, и сериала – благородный вампир по имени Ким Сон-ёль, который противостоит еще одному вампиру, жестокому хищнику Гви, и борется с чувствами к человеческой девушке Ян Сон. «Западное» происхождение вампиров в манхве проявляется весьма очевидным образом: прежде всего, обращение Ким Сон-ёля в вампира произошло на территории католической миссии в Китае, а далее

¹ Что для корейского телевидения редкость.

² Реж. Ли Сон-чжун, авт. сцен. Чан Хён-джу, Рю Ён-джэ, в главных ролях – Ли Джун-ки, Ли Ю-би, Ли Су-хёк; телеканал MBC, 20 серий.

³ Впрочем, это не единственный и не первый сериал, в котором вампир вписан в историческое прошлое страны: например, в сериале-антологии «Легенды нашего города» есть серия, центральный персонаж которой – вампир более-менее «классического» образца.

А.В. Тарасова *Одомашнивание вампира в эпоху Чосон: южнокорейский телесериал «Ученый, гуляющий ночью» как пример глокализации*

в действии принимает участие целая группа вампиров-католиков, охотящихся на себе подобных. Причем внешность их изображена таким образом, что, при всей условности рисовки, в них можно заподозрить европейцев. В сериале же, сценарий которого довольно свободно обращается с мотивами из манхвы⁴, вся эта католическая линия отсутствует, вампиром герой стал примерно в то же время (за 120 лет до начала основного действия), но в Корее и при иных обстоятельствах. Но тема чуждости вампира в сериале все равно присутствует, она всего лишь оказывается преподнесенной не так явно.

Итак, мы имеем дело с внедрением некоего имеющего «глобальный» характер набора архетипов в сложившуюся локальную повествовательную традицию. Сама по себе эта ситуация редкостью не является; термин «глокализация» применим и к ней, описывая процесс впитывания глобального локальным и порождения новых сюжетов, не скрывающих своего родства с общемировыми архетипами, но сохраняющих при этом ориентацию на собственную культуру. Причем, как указывает Ли Сун-э [Lee, 2017], это смешение локального и глобального в рамках одного сериального сценария может быть разделено на два типа – либо задействование персонажа «глобального» типа (Золушки, например) сопровождается отсылками к местному фольклорному сюжету близкого содержания (китайской сказке о Йесянь). Либо используется обратный прием – персонажу, не имеющему мировой известности (оборотню-кумихо) придаются некоторые черты, перекликающиеся с архетипом глобальным (той же Золушкой). Но можно выделить и промежуточную стадию – при всей культурной близости древних Китая и Кореи китайский сказочный сюжет о Йесянь в свое время тоже был приспособлен к запросам корейской аудитории. И это превращение китайской сказки в корейскую сопровождалось усилением конфуцианских мотивов первоисточника, а не только сменой имен действующих лиц [там же, с. 280-281].

Чтобы проследить за глокализацией сюжета о противостоянии «хорошего» и «плохого» вампиров, стоит сперва обратить более пристальное внимание на период, к которому отнесено действие. Это достаточно отдаленное прошлое, и уже это обстоятельство автоматически превращает вампира в того, кто был в Корее давно – задолго до появления на Западе «Вампира» Полидори, «Кармиллы» Ле Фаню и, тем более, романа Брэма Стокера. Хотя это «состаривание» корейских вампиров произведено искусственно, несложный прием показывает себя весьма действенным. Кроме того, выбор времени действия усугубляет гибридный характер сериала, поскольку сюжет о вампирах вторгается на территорию давно устоявшегося на корейском телевидении жанра исторического сериала или *сагыка*. Следует, правда, сразу же уточнить, что с 2000-х годов в ряду сагыков как более или менее добросовестных и серьезных повествований о прошлом Кореи выделяется поджанр *фьюжн-сагыка*, допускающий гораздо большую степень вольности в обращении с родной историей. «Как и подразумевает сплав английского *fusion* и корейского *сагык*, фьюжн-сагык обнаруживает свое гибридное качество, торжество стилизации и разнородности. <...> Движущая сила слова *фьюжн* обеспечивала саму мотивацию к переработке и переизобретению стиля сагыка и на нарративном, и на эстетическом уровнях» [Hwang, 2011, с. 76].

Вольность выражается как в намеренном использовании анахронизмов, так и в стилистической игре с костюмами персонажей, как в подмене претендующего на подлинность исторического фона крайне условным, сконструированным «Чосоном», так и во внедрении фантастического компонента – например, путешествия во времени. Границы этого поджанра крайне расплывчаты, к фьюжн-сагыкам могут причисляться любые фильмы и сериалы, сделавшие достаточно большой шаг в сторону от того, что принято считать «историческим» повествованием. Но при всей зыбкости границ к настоящему времени у фьюжн-сагыка сложился свой набор типичных персонажей и сюжетных коллизий. В таком сериале принцы и принцессы будут то и дело сбегать из дворца и ввязываться в приключения, а хотя бы одна из героинь хотя бы ненадолго попытается выдать себя за мужчину. Предсказать же развязку фьюжн-сагыка, опираясь на факты из учебников и монографий

⁴ Даже название оказывается не совсем точным. Главный герой манхвы мог выходить под открытое небо только по ночам, в сериале же у него есть особая солнцезащитная одежда, которая дает ему относительную свободу передвижения и днем.

A.V. Tarasova *Domestication of the Vampire in the Joseon Era: The South Korean TV series "The Scholar Who Walks the Night" as an example of glocalisation*

по истории невозможно: например, в сериале «Великий принц», в сюжете которого узнаются перепетии борьбы за власть между сыновьями правителя-вана Се-чжона, волею сценариста была отменена смерть одного из братьев и отстранен от наследования другой (хотя прототип этого персонажа сумел избавиться от всех соперников и занять трон).

«Ученый, гуляющий ночью» тоже задействует хорошо известные события XVIII века, даже не прибегая к замене имен, как это было сделано в «Великом принце». Основной хронологический ориентир в сериале – это 1762 год, когда ван Ён-чжо из династии Ли жестоко умертвил своего сына Чан-хёна (более известного под посмертным именем Садо), поскольку наследный принц якобы впал в безумие и превратился в кровавого маньяка. Этот мрачный эпизод не раз становился основой для кинематографических и телевизионных повествований (можно назвать полнометражный фильм «Трон» и сериал «Тайная дверь»). Но в «Ученом» этот мрачный сюжет приобретает новое объяснение благодаря внедрению вампиров в историю Чосона. Согласно этой версии, с самого воцарения своего в конце XIV века династия Ли заключила договор с вампиром Гви: тот поселился в подземелье под дворцом, совершая ночные вылазки для расправ с врагами династии, а правители позволяли Гви питаться, убивая дворцовых наложниц и прислугу. Изредка молодые представители династии, не желая мириться с этим чудовищным сотрудничеством, пытались разорвать договор и уничтожить Гви. Ким Сон-ёль был лучшим другом одного из таких мятежных принцев, а после гибели друга и своего превращения в вампира возложил миссию по избавлению от Гви на себя. Следующим бунтарем оказался как раз принц Садо, который заплатился не только жизнью, но и добрым именем – он был посмертно оклеветан (приписываемые ему убийства, видимо, были на совести Гви). Таким образом, безумный принц превратился в фигуру трагическую и благородную⁵.

Эта смелая реконтекстуализация истории принца Садо и династии Ли в целом сосуществует с набором узнаваемых типажей и коллизий, характерных как для сагика классического, так и для фьюжн-сагика. В сериале есть пышные придворные церемонии, есть верный правителю министр и министр-интриган (которого даже Гви брезгует убивать обычным вампирским способом). Есть наследный принц – сын Садо, который живет вне дворца, посещает куртизанок и увлекается рисованием эротических картинок. Есть сложные взаимоотношения вана Ён-чжо с уклоняющимся от дворцовых обязанностей внуком. Есть смерть старого правителя и возведение на трон молодого. Есть и девушка в мужском костюме – главная героиня, Ян Сон, с самого детства скрывает свой пол. С одной стороны, все это создает весьма причудливую смесь, временами балансирующую на грани пародии, с другой – вампиры, окруженные таким количеством знакомых аудитории деталей, сами тем скорее должны были восприниматься как что-то естественное для обстановки эпохи Чосон.

Внутри же повествования само существование Гви – тайна, в которую посвящены только правящий монарх, наследник и избранные придворные. От обычных людей вампиры настолько далеки, что у них нет даже своего вербального определения для них, они не входят в число явлений, отмеченных хотя бы на уровне объекта суеверного страха. В народе ходят слухи о таинственных смертях и обескровленных трупах, а параллельно с ними – еще и рассказы о некоем невероятно сильном защитнике слабых (это, разумеется, Ким Сон-ёль). Поговаривают, например, о ночном нападении этого героя на разбойников-работорговцев, уводивших на чужбину группу женщин и девушек: вся шайка была уничтожена, а ее жертвы благополучно вернулись по домам. Но слухи эти очень неопределенны, и даже Ян Сон, старательно собирающая информацию о ночном благодетеле (она пишет о нем книгу), оказывается не в состоянии ни опознать в этой фигуре своего нового знакомого, ни верно истолковать признаки, в обоих случаях указывающие на вампирскую природу. Для обозначения вампира в сериале используется по преимуществу слово 흡혈귀 ('heubhyeolgwi' в английской транскрипции) – буквально переводящееся скорее как «кровосос» вообще, хотя в современном корейском языке оно широко используется для обозначения вампира (но может

⁵ Хотя версия о принце как жертве оговора действительно существует.

А.В. Тарасова *Одомашнивание вампира в эпоху Чосон: южнокорейский телесериал «Ученый, гуляющий ночью» как пример глокализации*

переводиться и как приземленное «пиявка»). Главный герой, ученый книжник, еще в XVII веке знал, что на Западе для этого существует специальное слово, и произнес его – 뱀파이어 ('baemphaieo'), фонетически восходящее к английскому 'vampire'. Но для остальных персонажей первый вариант понятнее, тем более что они и не знают, кого или что называют таким образом. И о том, что в Ханяне (будущем Сеуле) обитают сразу два вампира, никто уж тем более до поры не догадывается, в отличие от аудитории, которая не только знает об этом с самого начала, но и обладает внушительным объемом сведений о вампирах, накопленным благодаря другим произведениям популярной культуры.

Более внимательное изучение обоих героев-вампиров⁶ позволяет проследить, как в их взаимодействии с персонажами-людьми и с обществом в целом проявляется чуждость Гви и родство Ким Сон-ёля национальной культуре, за счет чего может произойти одомашнивание вампира. Если прежде обратиться к фигуре антагониста, то начать следует с происхождения Гви, которое остается тайной. Из флэшбека известно, что он заключил договор с династией Ли в конце XIV века, но из этого же флэшбека как будто следует, что Гви к тому времени уже обосновался в стране, откуда же он взялся, и как давно это было – не поясняется. Предыстории у него нет, из его в буквальном смысле слова подпольной жизни в Чосоне известен только один эпизод – некогда он поддался слабости и вступил в связь со смертной женщиной, а потом веками разыскивал и уничтожал потомков родившегося от этой связи ребенка, считая их угрозой для себя. Семьи у него, таким образом, нет; нет, строго говоря, даже полноценного имени.

Довольно любопытные выводы позволяет сделать анализ внешнего облика Гви, который, кстати, сильно расходится с манхвой-первоисточником. В манхве у Гви длинные развевающиеся светлые волосы, сериальный Гви – брюнет с подстриженными волосами, головными уборами он пользуется редко. На прическе Гви стоит остановиться отдельно: визуально она довольно точно воспроизводит ту, которой наделяли своих героев создатели западных фильмов и сериалов про вампиров в 2000-е годы. С поправкой на тип волос эту прическу мы видим у заглавного героя «Дракулы-2000», у Крейвена в «Другом мире», у Генри Фицроя в сериале «Узы крови», у Мика Сент-Джона в «Лунном свете», у Митчелла из британского сериала «Быть человеком». Речь идет об устоявшемся варианте визуального образа вампира, и авторы «Ученого» могли рассчитывать на хотя бы мимолетное знакомство с ним своей аудитории.

Таким образом, выбор прически сам по себе порождает интертекстуальные связи «Ученого» с более ранними повествованиями о вампирах. Но помещение этой прически в контекст корейских культурных традиций открывает еще один уровень значений. В XVIII веке даже бедному простолыдину неуместно было бы показаться на людях, не затянув длинные волосы в пучок на макушке, а человек, обладавший хотя бы скромным статусом в обществе, дополнял этот пучок специальной повязкой, поверх которой водружался головной убор. Мужчины же из привилегированных слоев «...полностью закрывали свои волосы, внешне выражая свое социальное положение скорее посредством шляп, а не волос, хотя пучок в традиционной Корее мог быть виден сквозь редкое плетение шляпы из конского волоса» [Nelson, 1998, с. 117]. Все вместе – пучок, повязка и ее застежки, тип шляпы и ее украшения – представляло собой прозрачный для носителя культуры текст, содержащий необходимую информацию об обладателе головы. «Кажется парадоксальным, что, хотя волосы всегда держали под контролем, не позволяли им свободно развеваться, и плотно прикрывали, значение, придаваемое особой прическе, особенно пучку взрослого мужчины, было настолько эмоционально нагружено, что защита пучка, случалось, приводила и к убийству, и к самоубийству. Сама жизнь представлялась менее важной, чем сохранение этой прически. Волосы, выражая конфуцианский принцип, согласно которому члены общества должны были знать подобающие им места и вести себя соответственно, могли, таким образом, быть причиной

⁶ В сериале появляются и другие вампиры, но роль их в большинстве случаев незначительна, а жизнь в качестве вампиров оказывается очень короткой. Исключение представляет собой лишь заезжий древний вампир, охотящийся на Гви, который появляется в первой серии, получает смертельные увечья в схватке со своим противником и умирает, успев перед тем «обратить» Ким Сон-ёля, переложить на него обязанность уничтожить Гви и передать ему свое солнцезащитное одеяние.

A.V. Tarasova *Domestication of the Vampire in the Joseon Era: The South Korean TV series "The Scholar Who Walks the Night" as an example of glocalisation*

неконфуцианского насилия» [там же, с. 108]. Гви из манхвы уже противопоставлял себя столь важной традиции, а в сериале этот аспект усилили: не просто с распущенными, но еще и с подрезанными волосами мог расхаживать преступник, раб, дикарь, умалишенный, малолетний ребенок, но не взрослый дееспособный мужчина. Своей прической Гви бросает вызов культуре, среди представителей которой обитает, и это дополняется общим видом его одежды – богатой, но наброшенной как придется, а не надетой по всем правилам. Даже решив ближе к финалу выйти из подземелья и самому занять трон, Гви является перед министрами с пучком на голове, но в небрежно распахнутом верхнем монаршем одеянии.

Гви игнорирует и требования этикета – он со всеми разговаривает в фамильярном стиле [Котельникова, Цой, 2017, с. 43-44], не делая исключения даже для престарелого монарха, в то время как «... базовые лингвистические правила обращения и выражения почтения, которые присутствуют в корейском языке в виде определенных речевых стилей, восходят к базовой конфуцианской идее надлежащих отношений – между правителем и министром, отцом и сыном и мужем и женой» [Śleziak, 2013, с. 29]. Он публично глумится над придворными обычаями и незыблемыми правилами поведения – кладет руку на плечо старому правителю, требует, чтобы молодая жена наследника поднесла ему чарку, придя на заседание государственного совета, усаживается на столик перед ваном (заслонив его от министров). Обычаи и нормы вообще мало его беспокоят: его попытка объявить ваном себя самого – это демонстративный разрыв с освященной веками процедурой назначения преемника (тем более что законный наследник жив и от престола не отрекался). Застигнутый рассветом вдалеке от своего убежища, Гви разрывает свежую могилу, выбрасывает мертвеца из гроба и занимает его место, а вечером нападает на почтительного сына покойного, явившегося совершить поминальные обряды. И убитому им принцу Садо Гви отказывает в праве на погребение – его тело годами висит на стене в подземелье вампира. Гви пренебрегает и человеческой моралью, и законами государства Чосон, и этикетом, но именно последнее оказывается едва ли не наиболее значительным.

С XVII века в Чосоне отмечается повышенное внимание ученых-конфуцианцев к этикету, так что из отдельных трактатов, регламентирующих поведение достойных людей в различных обстоятельствах, формируется полноценная отрасль научного знания того времени. «... С выходом книги Ким Джансэна <...> "Общий свод семейных обычаев и обрядов" возникла новая наука – учение об этикете, которая и поныне пользуется большой популярностью среди различных слоев корейского общества. Ким Джансэнь считал, что сущностью этикета является не бессознательное следование ритуалам, а сознательные усилия по соблюдению сущности этикета. <...> Поскольку учение об этикете считало и считает своим кредо неизменное соблюдение установленных порядков как в семье, так и в обществе в целом, оно служило как бы связующим звеном между государством и семьей...» [Ли, 2000, с. 236-237]. Так что отношение Гви к вопросам этикета – не просто проявление его невоспитанности и чуждости конфуцианству. Своим поведением он покушается на благополучие общества, на прочность государства, на сам миропорядок, и это гораздо опаснее его пищевых привычек. Даже на самом поверхностном уровне это очень явный маркер того, что Гви находится вне системы правильных человеческих взаимоотношений, системы, имеющей большую ценность и для жителя Чосона XVIII века, и для современного корейца.

В отличие от Гви, у Ким Сон-ёля есть и настоящее имя, и семья – в первой серии появляются его родители и девушка, на которой он вскоре собирался жениться. За 120 лет до начала основного действия у него было уважаемое положение в обществе – он усердно изучал конфуцианскую литературу и не менее усердно исполнял некие обязанности на государственной службе. Спокойный ход его достойной жизни был нарушен трагическими событиями, последовавшими за раскрытием планов его друга-принца по избавлению от Гви. Все близкие Ким Сон-ёлю люди погибают, а сам он становится вампиром, и, с большим трудом смирившись со своей трансформацией, отныне посвящает себя достижению цели, которая оказалась не по силам принцу. Таким образом, его превращение в условно-бессмертное существо не является результатом его собственного выбора, но преподнесено в контексте долга перед покойным другом и перед отечеством.

А.В. Тарасова *Одомашнивание вампира в эпоху Чосон: южнокорейский телесериал «Ученый, гуляющий ночью» как пример глокализации*

Несмотря на свою вынужденную, так сказать, диету, Ким Сон-ёль старается по возможности себя ограничивать⁷ и, ведя замкнутый образ жизни, все равно то и дело приходит людям на помощь. В результате у него появляются верные помощники – слуга Хо-чжин и кисэн⁸ Су-хян, которых он когда-то спас, любимая девушка и множество благодарных ему людей. Будучи вампиром, он все равно включен в систему межличностных связей. Внешне он выглядит именно так, как и подобает ученому благородного происхождения: опрятно одет, тщательно причесан⁹, носит шляпу-«кат» из конского волоса, соответствующую его статусу¹⁰. Правила вежливости герой соблюдает, этикет и придворные обычаи чтит: так, собираясь предстать перед старым правителем Ён-чжо и открыться ему, он не забывает облечься в свое старое придворное одеяние, а разговор с монархом ведет, преклонив колени, как того требует ситуация. И среди внутренних конфликтов, терзающих героя, как минимум равное место рядом с конфликтом хищного кровопийцы и человеческого существа занимает конфликт между любовью к героине и долгом перед страной – чисто человеческий и нередкий для «классического» сагика.

И еще одна тема связывает ким Сон-ёля с людьми вообще и культурой Чосона XVIII века – в частности: тема словесности, книг и книжного знания. Главный герой, как уже говорилось, ученый-конфуцианец и обладатель большой библиотеки, в которой нашлось место и серьезным книгам по истории, и романам про любовь. Среди подвигов его – спасение студентов и наставников конфуцианской академии Сонгюнван, с которыми планировал расправиться Гви. Выдающая себя за юношу Ян Сон занимается продажей книг, параллельно пробуя себя в качестве писателя – она сочиняет истории про Ученого, гуляющего ночью и спасающего беззащитных людей. Своего персонажа Ян Сон даже ставит в один ряд с Хон Гиль-доном, народным героем, повесть о котором действительно была очень популярна в ту эпоху [там же, с. 260], и это дополнительно служит укоренению героя сериала в корейскую почву. Главные герои вместе бродят по книжным лавкам, вместе читают книги, ищут записи покойного наследного принца, в которых предположительно содержится инструкция по борьбе с Гви, вместе пытаются найденную инструкцию расшифровать. И хотя в сериале успехи героини в области распространения литературы и живой интерес простого народа к увлекательным книжкам (в том числе и фривольного содержания) показан все же в несколько преувеличенном виде – весь Ханян-Сеул читает запоем, гоняется за новинками и обсуждает их, но в основе своей эта картина не противоречит фактам. На XVIII век пришелся один из периодов расцвета грамотности и книжной культуры в Чосоне, в том числе – и литературы, написанной на хангыле, доступной широкой аудитории [там же, с. 259-260]. И когда природа Ким Сон-ёля становится известна, и он сталкивается с суеверной враждебностью со стороны людей, именно новая книга Ян Сон про Ученого оказывается самым эффективным инструментом, способным вытеснить страх и заменить его доверием. И этот сюжетный поворот нельзя отнести к числу безоговорочных анахронизмов.

В итоге Ким Сон-Ёль, учёный-вампир, оказывается не только успешно «вписан» в эпоху с ее конфуцианскими ценностями, сложным этикетом и жестко регламентированными костюмами, но и окружен людьми, которые охотно с ним взаимодействуют, уважают его и доверяют ему. Очень красноречив в этом отношении один из эпизодов 18-й серии: к этому времени сам себя усадивший

⁷ Герой питается кровью либо животных, либо людей, которые добровольно с ним делятся, изредка, впрочем, позволяя себе воспользоваться кровью заведомых негодяев (что, конечно, ставит его в несколько двусмысленное положение). С другой стороны, в сериале задействована одна из шаблонных для западных «вампирических» сериалов сцен – когда главная героиня спасает вампира, делясь с ним кровью, однако эта ситуация в «Ученом» подана в облагороженном виде. Происходит своего рода обмен между главными героями: кровь самого Ким Сон-ёля обладает свойством мгновенно заживлять человеческие раны, и перед тем, как отведать крови Ян Сон, он уже не раз исцелял ее таким образом.

⁸ Кисэн – профессиональная куртизанка, в обязанности которой входило развлечение гостей изысканной беседой, музыкой и танцами. Су-хян представлена в сериале как кисэн высокого ранга, распорядительница дома для мужского досуга, который посещают высокопоставленные клиенты.

⁹ Несколько раз Ким Сон-ёль появляется с распущенными волосами, но это сцены внутренней борьбы хищника и человека в душе героя, в которых ему всякий раз удается взять под контроль свои инстинкты вампира.

¹⁰ Впрочем, переодетой в мужскую одежду Ян Сон тоже случается надевать такую шляпу, хотя ее приемный отец ката не носит.

A.V. Tarasova *Domestication of the Vampire in the Joseon Era: The South Korean TV series “The Scholar Who Walks the Night” as an example of glocalisation*

на трон Гви решает было добиться народной любви, для чего принимается плодотворно в окрестностях города новообращенных вампиров, а затем лично уничтожать их на глазах у перепуганного простонародья. Но инициативу у него перехватывают объединившиеся низложенный молодой правитель и Ким Сон-ёль. И вот после завершения очередной ночной схватки с вампирами простые люди, выбравшись из укрытий, робко подходят к своим совершенно обессиленным спасителям, окружая их. В одном из них они узнают своего законного монарха, но второй в этот момент выглядит так, что никаких сомнений в его вампиризме не остается – красные глаза, клыки, забрызганное кровью лицо. Положение его отчаянное: численное преимущество явно на стороне людей, а он после сражения не может даже устоять на ногах. Но тут из толпы выступает совсем молоденькая девушка, которую Ким Сон-Ёль недавно спас, подбегает к нему и поддерживает, помогая подняться с земли. Остальные догадываются, что перед ними тот самый ночной учёный из книжки, и следуют ее примеру. В следующей сцене, уже при свете дня, правитель и вампир мирно беседуют на фоне играющих детей, причем Ким Сон-ёля еще и пытаются угостить сладким картофелем. Ким Сон-ёль принят человеческим обществом как свой, Гви же, несмотря на все его ухищрения, так и остается чужим, изгоем.

Культура Кореи в эпоху Чосон – это культура достаточно замкнутая, чувствительная к проблеме границ и оберегающая себя от слишком уж очевидных внешних влияний. «Своим» для Кореи считались как родная культура, так и (а возможно, и в большей степени) культура Китая – «Срединного государства», символического «центра» норм и морали, на которые следовало равняться. «Чужим», «варварским» соответственно считалась периферия, то есть все остальные страны» [Чеснокова, 2018, с. 287]. Но встраивание вампирской тематики в такого рода условия, создание вампира сугубо корейского, вампира-аборигена оказалось вполне возможным, как то и демонстрирует пример «Учёного, гуляющего ночью». Оба центральных нечеловеческих персонажа сохраняют характерные признаки, позволяющие аудитории видеть в них хорошо знакомых по западным образцам популярной культуры «классических» вампиров. Но безоговорочно «положительным» героем один из них становится не только за счет своей любви к людям и готовности жертвовать собой ради их безопасности. Уважительное отношение к принятым в корейском обществе правилам и условностям тоже весьма важно, и последовательное нежелание «отрицательного» вампира им следовать укладывается во вполне конфуцианскую логику повествования. Персонаж, который не соблюдает речевого этикета и носит неподобающую причёску, самым буквальным образом разрушает и жизнь отдельных людей, и моральные устои чосонского общества, и само государство. А персонаж, который стремится все делать по правилам, да к тому же еще и занимает положение учёного книжника, хранителя знания – прилагает все силы к тому, чтобы это разрушение остановить и, в итоге, останавливает. И сочетание элементов корейского фьюжн-сагыка и носящего заимствованный характер повествования о вампирах тем самым приобретает органичность и обогащает обе разновидности сериального жанра.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

1. Айдол-вампир / 뱀파이어 아이돌 (2011-2012, реж. Ли Гын-ук, Республика Корея), игр.
2. Ангел / Angel (1999-2004, реж. Д.А. Контнер и др, США), игр.
3. Быть человеком / Being Human (2008-2013, реж. К. Тиг и др., Великобритания), игр.
4. Вампир-детектив / 뱀파이어 탐정 (2016, реж. Ким Га-рам, Республика Корея), игр.
5. Вампир-прокурор / 뱀파이어 검사 (2011, реж. Ким Пён-су, Республика Корея), игр.
6. Великий принц / 대군 (2018, реж. Ким Чон-мин, Республика Корея), игр.
7. Дракула-2000 / Dracula 2000 (2000, реж. П. Люсье, США), игр.
8. Другой мир / Underworld (2003, реж. Л. Уайзман, США / Германия / Великобритания / Венгрия), игр.
9. Кровь / 블러드 (2015, реж. Ким Мин-Су, Ли Чжэ-хун, Республика Корея), игр.

А.В. Тарасова *Одомашнивание вампира в эпоху Чосон: южнокорейский телесериал «Ученый, гуляющий ночью» как пример глокализации*

10. Легенды нашего города / 전설의 고향 (2009, реж. Ли Мин-хон и др., Республика Корея), игр.
11. Лунный свет / Moonlight (2007-2008, реж. Ф. Туа и др, США), игр.
12. Рыцарь навсегда / Forever Knight (1992-1996, реж. А. Крокер и др., Канада / Германия), игр.
13. Тайная дверь / 비밀의 문 (2014, реж. Ким Хён-сик, Республика Корея), игр.
14. Трон / 사도 (2015, реж. Ли Джун-ик, Республика Корея), игр.
15. Узы крови / Blood Ties (2007, реж. Д. Даннисон и др., Канада) игр.
16. Учёный, гуляющий ночью / 밤을 걷는 선비 (2015, реж. Ли Сон-джун, Республика Корея), игр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов С.А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре. // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах: Сборник / Пер. с англ., нем., фр. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007. – С. 5-86.
2. Котельникова Е.В., Цой С.А. Влияние конфуцианской системы образования на язык и культуру Южной Кореи (исторический аспект) // Язык: История и современность, 2017, №2. – С. 42-56.
3. Ли Г.-Б. История Кореи: новая трактовка. – Москва: ООО ТИД Русское слово», 2000.
4. Чеснокова Н.А. Гора Пэктусан и оппозиция «свой – чужой» в «Описании избранных деревень» (Тхэнниджи, 1751 г.) Ли Джунхвана (1690–1756?) // Вестник РГГУ № 12 (45) ч. 2, Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение», 2018. – С. 285-296.
5. Burns S. Vampire and Empire: Dracula and the Imperial Gaze // eTropic 16.1 (2017). – <https://journals.jcu.edu.au/etropic/article/view/3563> (дата обращения – 11.08.2019).
6. Hwang Y-M. South Korean Historical Drama: Gender, Nation and the Heritage Industry . A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St Andrews, 2011. <https://research-repository.st-andrews.ac.uk/handle/10023/1924> (дата обращения – 11.08.2019).
7. Lee S-A. Fairy-Tale Scripts and Intercultural Conceptual Blending in Modern Korean Film and Television Drama // Grimms' Tales around the Globe The Dynamics of Their International Reception. Detroit: Wayne State University press, 2014. – S. 275-294.
8. Nelson S.M. Bound hair and Confucianism in Korea // Hair: Its Power and Meaning in Asian Cultures. SUNY Press, NY, 1998. – S. 105-119.
9. Śleziak T. The Role of Confucianism in Contemporary South Korean Society // Rocznik Orientalistyczny, T. LXVI, Z. 1, 2013. – S. 27-46.

REFERENCES

1. Antonov S.A. *Tonkaja krasnaja linija. Zametki o vampiricheskoj paradigme v zapadnoj literature i kul'ture* [Thin red line. Notes on the vampiric paradigm in Western literature and culture]. In "Gost' Drakuly" i drugije istoriji o vampirah ["Dracula's Guest" and Other Vampire Stories]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika, 2007. Pp. 5-86.
2. Burns S. *Vampire and Empire: Dracula and the Imperial Gaze*. In *eTropic* 16.1 (2017).
3. Chesnokova N.A. *Gora Paektusan I oppozitsija "svoj-chuzhoj" v "Opisaniji yzbrannih dereven' (T'aengniji, 1751) Yi Chung-hwana (1690–1756?)* [Mountain Paektu and the concept of "friend or foe" in the "Description of the Selected Villages" (T'aengniji, 1751) by Yi Chung-hwan (1690–1756?)]. In *Vestnik RGGU* № 12 (45), issue 2. Serija "Istorija. Filologija. Kulturologija. Vostokovedenije". 2018. Pp. 285-296.
4. Hwang Y-M. *South Korean Historical Drama: Gender, Nation and the Heritage Industry*. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St Andrews, 2011.
5. Kotelnikova E.V., Tsoj C.A. *Vlijanije konfutsianskoj sistemy obrazovanija na jazyk I kul'turu Juzhnoj Korei (istoričeskij aspekt)* [The Confucian education system influence on the language and culture of South Korea (historical aspect)]. In *Jazyk: Istorija i Sovremennost'*. 2017, №2. Pp. 42-56.
6. Lee G.-B. *Istorija Korei: Novaja traktovka* [History of Korea: a new interpretation]. Moscow, ООО ТИД Русское слово. 2000.
7. Lee S-A. *Fairy-Tale Scripts and Intercultural Conceptual Blending in Modern Korean Film and Television Drama*. In *Grimms' Tales around the Globe The Dynamics of Their International Reception*. Detroit, Wayne State University press, 2014. Pp. 275-294.
8. Nelson S.M. *Bound hair and Confucianism in Korea*. In *Hair: Its Power and Meaning in Asian Cultures*. SUNY Press, NY, 1998. Pp. 105-119.
9. Śleziak T. *The Role of Confucianism in Contemporary South Korean Society*. In *Rocznik Orientalistyczny*, T. LXVI, Z. 1, 2013. Pp. 27-46.